

тил каждый. Вильнюс обманывает более утонченным способом, его обманы всегда покрыты туманом. Только мыслящая собака может понять их» [2].

«Мыслящая» собака также осознает и нереальность города. В Вильнюсе больше нет ничего реального. Его строения могут изменяться, менять свое местоположение, исчезать, затем появляться снова. Его жители могут находиться одновременно в нескольких местах, одновременно вести себя по-разному, изобретать не только свое будущее, но также и прошлое. Так происходит всегда, так как у них нет ни настоящего прошлого, ни настоящего будущего. Это случается из-за того, что сам город лжет, он и научил лгать своих жителей. Таков Вильнюс бродячей собаки Вильнюса.

Итак, каждый герой романа «Вильнюсский покер» существует в своем собственном Вильнюсе; Вильнюс каждого совершенно разный. Однако каким бы он ни был, город будет существовать (не важно, в оцепенении или в движении), ибо у него появился Пророк: призрак Гедиминаса «сел на середине проспекта и начал выть <...>. Я вою как Железный Волк. Только сейчас я понимаю, что я и есть Железный Волк. Пророк Нового Вильнюса» [2].

Литература

1. Венцлова, Т. Вильнюс: Город в Европе / Т. Венцлова. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. - 264 с.
2. Gavelis, R. Vilnius Poker / R. Gavelis. - Vilnius: Open Letter, 2009. - 485 p.
3. Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology - Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. - 155 p.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА «РАССКАЗОВ О НЕОБЫЧАЙНОМ» РАББИ НАХМАНА ИЗ БРАЦЛАВА А. Г. Шавлинская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: alinka_shavlinskaya@mail.ru

В статье исследуется специфика «Рассказов о необычайном» рабби Нахмана. Написанные в форме сказки истории на самом

деле содержат в себе глубокие философские и мистические концепции, представленные в аллегорической форме. Один из основных источников сказок — каббалистическая литература. Некоторые аллегорические образы — царь, царский сын, царская дочь — имеют фиксированное аллегорическое значение в большинстве сказок.

Ключевые слова: рабби Нахман, брацлавский хасидизм, Каббала, аллегория.

**RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS
IN «STORIES ABOUT THE UNUSUAL» WRITTEN BY
RABBI NACHMAN FROM BRATSLAV**

A. G. Shavlinskaya

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,
Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: alinka_shavlinskaya@mail.ru

The article explores the specific features of rabbi Nachman's «Stories about the Unusual». The stories written in a form of a tale contain deep philosophical and mystical conceptions represented through allegories. One of the main sources for the tales is Kabbalistic literature. Some of the allegoric characters like the Tsar, the Son of the Tsar, the Daughter of the Tsar have fixed allegorical senses in a majority of tales.

Key words: rabbi Nachman, hasidism of Bratslav, Kabbalah, allegory.

Рабби Нахман (1772-1810), правнук великого Баал-Шем-Това, родился в маленьком местечке Меджибоже, в котором прошла жизнь его прославленного прадеда. Рождение на свет уникальной личности, основателя собственного направления в хасидизме, совпало с началом упадка хасидского движения.

С момента прибытия в Брацлав у рабби Нахмана начался новый, особенно плодотворный период в жизни. Рабби Нахман пытался распространить свое учение по всему миру, однако резкость взглядов и высказываний цадика вызывала бурю возмущений в хасидском мире даже после его смерти. Однако ему удалось совершить удивительное — создать особое течение в хасидизме, окружить себя большим количеством последователей, стать живым примером необычайно праведного человека для своих учеников, создать новый жанр хасидской и мировой литературы —

мистико-символическую сказку. Конечно, и до Нахмана хасиды рассказывали истории о цадиках, о чудесах и о многом другом. Однако сказки рабби Нахмана представляют собой особые аллегорические и мистические истории, являющиеся символическими притчами, или параболami. Ничего похожего мы не найдем из того, что было написано раньше.

Созданные в конце короткой жизни рабби Нахмана *Sunneprey Maasuyot* («Рассказы о необычайном») справедливо принято считать вершиной его творчества. Рабби А. Штейнзальц пишет: «Эти истории, облаченные в непритязательные одеяния народных сказок, рабби Нахман рассказывал хасидам в последние годы жизни. В них сплелись поэзия и глубокая мысль. Благодаря своей форме они доступны даже ребенку, видящему в них занимательные "старинные сказки", как называл их сам рабби Нахман. И в то же время можно вновь и вновь возвращаться к ним, всякий раз открывая новые пласты мыслей, символов, идей» [8, с. 7]. Свои истории рабби Нахман обычно рассказывал после бесед, связанных с толкованием Торы. Большинство историй рабби, как уже отмечалось, поведал в конце своей жизни: например, одна из важнейших — «Семь нищих» — была рассказана за полгода до смерти.

«Истории о необычайном» были рассказаны на идише, но записаны рабби Натаном на иврите. Он стремился сохранить в переводном варианте все особенности стиля своего учителя, и в последующем приносил свои извинения за чересчур грубый язык. «Переводчики и стилисты пытались по мере сил украсить язык оригинала, ускорить развитие сюжета и т. п. Это приводило к тому, чего так страшился рабби Натан: мелкие стилистические улучшения и сокращения вносили искажение в смысл. Не следует забывать, что и по форме, и по содержанию "Истории о необычайном" выполнены искусной рукой мастера, их фабула тщательно выстроена, в повествование вплетены различные нити, так что все подробности и детали сочетаются в едином творческом замысле, и рассказ в целом ведет к намеченной автором цели. И потому даже легкие стилистические поправки рвут тонкую ткань повествования, уводя от авторского замысла. Это в равной мере касается и "исправленных" переводов, и литературных обработок на иврите», — поясняет рабби А. Штейнзальц [8, с. 22].

Хотя хасидский мир буквально переполнен историями, передаваемыми из уст в уста, «Истории о необычайном» стоят среди

них особняком. Если хасидская история — это рассказ об определенном человеке, о его праведности, о его благих поступках, о мудрых словах, произнесенных им, то в отличие от них «Истории о необычайном» имеют художественную форму сказки, насыщенной метафорами и аллегориями, обладающей многомерными мистическими подтекстами. Характеризуя язык рабби Нахмана, рабби А. Штейнзальц отмечает: «Бог благословил рабби Нахмана поэтическим воображением и талантом, который проявился не только в возвышенной символике его произведений, но и в удивительной выразительности языка... Для него метафорический строй языка был "средой обитания" в которой он чувствовал себя как рыба в воде, свободно творя сравнения и образы, наполненные жизнью и смыслом. Некоторые из этих метафор превращались в маленькие рассказы, живущие своей, отдельной жизнью. И когда рабби Нахман читал Письменную Тору, богатейший мир его фантазии оживал, начинал бурлить, отдельные главы Танаха, фрагменты и даже стихи преобразались в истории, имеющие самостоятельную значимость. Подобное восприятие Писания вообще характерно для значительной части каббалистических книг. Однако лишь у рабби Нахмана... мы находим не только символическое видение священного текста, но и одушевление его выразительных средств» [8, с. 18-19].

Рабби Нахман надеялся с помощью сказочных историй передать и раскрыть свое учение в ином свете. «По его словам, люди порой не в состоянии воспринять Тору в истинном виде, без покровов, - поясняет А. Штейнзальц, — и потому "надо накинуть на ее лик (на ее внутреннюю сущность) покрывало вымышленных историй". Причин этому, по его словам, три: "Когда исцеляют слепого, не снимают повязку сразу, чтобы свет не ударил по глазам. Это касается и тех, кто долго пробыл во мраке или во сне. Вторая причина: приходится скрывать свет, чтобы внешние силы (силы зла) не овладели им. И, наконец третья: зло, овладев светом, не даст ему распространиться, и потому надо скрыть его, чтобы оно осталось неузнанным"» [8, с. 14].

Итак, с точки зрения жанра «Истории о необычайном» являются сложными символическими притчами, однако это не исчерпывающее определение их жанровой специфики. Несмотря на небольшое количество историй (тринадцать), все они отличаются друг от друга по стилю. Например, история «Об одном раввине и его единственном сыне» сходна по жанру с традиционной

хасидской историей, однако отлична по содержанию и по фигурирующей в ней символике. Рассказ «О том, как пропала царская дочь» — это, по сути, история в жанре народной сказки. Рассказ «Семь нищих» скрывает в себе сложные эзотерические и мистические смыслы. О рассказах рабби Нахмана нельзя сказать, что простота изложения истории означает ее доступность. С одной стороны, возвышенные и мистические истории изложены простым языком, с другой же — нечто незамысловатое облекается в живописные формы и несет в себе сложную символику. Художественность совсем не являлась самоцелью у рабби Нахмана, но была лишь инструментом в его руках. Перед автором стояла одна основная задача — донести свои идеи до слушателей.

Откуда рабби Нахман черпает материал для своих повествований? Источники различны: это Каббала, народные сказки, Тора, окружающая его действительность — словом, отовсюду он заимствовал необходимые образы для выражения своих идей. Рабби А. Штейнзальц поясняет: «Рабби Нахман говорил, что в своих историях пытается раскрыть все "семьдесят ликов Торы"». И в самом деле, в некоторых его историях можно найти целое напластование смыслов. Эти смыслы не противоречат один другому, скорее они раскрывают разные уровни и грани одной фундаментальной идеи, разворачивая и углубляя ее. Однако проясненная таким образом идея начертана на разных "скрижалях", и потому кажется, что не все детали повествования уместаются на общей смысловой плоскости, часть его обретает смысл в одном истолковании, другая же требует иного» [8, с. 15].

Важнейшим источником историй рабби Нахмана является каббалистическая литература. Общий смысл, образы, символы, персонажи и отдельные детали почерпнуты из Каббалы, в особенности из того ее варианта, который был создан в XVI в. Исааком Лурией (Лурианская Каббала). Рабби Нахман брал символы из Каббалы и сплетал из них свое толкование в форме рассказа. Возникает вопрос: в чем же тогда разница между каббалистической литературой и сказками рабби Нахмана? Он вдыхает жизнь в фундаментальную литературу Каббалы, оживляет ее. «Последняя оперирует символикой, образы и метафоры фигурируют в ней почти как математические величины. В то же время в "Историях о необычайном" они обретают плоть и кровь, наполняются человеческой теплотой и жизнью», — поясняет А. Штейнзальц [8, с. 16].

Здесь же мы находим и большое стилистическое и композиционное сходство с народными сказками. Автор заимствует у сказок не только традиционную структуру, но и нечто большее. Например, история «О том, как пропала царская дочь» — это известная народная сказка, рассказанная по-новому. Рабби Нахман, как и все великие цадики, много интересовался народными сказками, песнями, находя в них глубокий смысл. Кажется, что рабби использовал бродячие сказочные сюжеты, придавая им сакральный смысл.

Еще одним источником сюжетов были сны и видения рабби Нахмана. Конечно, те истории, что ему приснились, претерпели изменения на выходе, и, к сожалению, нам не дано познать, где и в каком месте они соединены в рассказ. Как полагают исследователи, история «Муха и паук» основана на сновидениях. Многие цадики рассказывали и даже записывали свои сны, и весьма примечательно, что сны, рассказанные рабби Нахманом, во многом напоминали ряд его историй.

Большая часть из написанного рабби Нахманом носит автобиографический характер. Он часто рассказывал о своих мыслях и переживаниях, был всегда откровенным со своими учениками. Рабби А. Штейнзальц пишет: «Хасиды открывали душу своему учителю, а с течением времени среди последователей рабби Нахмана устоялся обычай покаяния друг перед другом. Рабби Нахман настаивал на том, что человеку необходимо излить свое сердце пред Всевышним не только в традиционных словах молитвы, но и собственными словами, идущими из глубины души. Человек должен рассказывать Творцу о своих колебаниях, сомнениях и бедах. Подобная "личная беседа" с Творцом стала одним из главных отличительных признаков брацлавского хасидизма. Поэтому не приходится удивляться тому, что рабби Нахман часто выстраивает цепь рассуждений из человеческих исповедей и историй. Он делает это не только в толкованиях Торы (которые иногда включают его собственные признания в душевных проблемах), но и в своих историях. Повествование служит сценой, на которую выводится та или иная проблема, чтобы в объективном свете ramпы рассмотреть ее уже не как частное, а как общее явление» [8, с. 20]. Именно поэтому существует прямая связь между тем, о чем рабби Нахман пишет, и тем, что он прочувствовал и пережил. И, конечно же, многие истории выражают отношение к событиям, происходящим в действительности, например, исто-

рия «О сыне царя и сыне служанки» рассказана сразу после его разговора с рабби Натаном о Наполеоне.

Остановимся на наиболее ярких образах в «Историях о необычайном». Образ Царя в большинстве из них символизирует Всевышнего. Он ярко представлен в Торе, фигурирует в книгах пророков, а также встречается в Талмуде и Мидраше. Показательно, что Царь не показывается нам как действующий персонаж, он скорее выполняет незаметные для нас действия, управляет ими как бы изнутри. И вот тут уже человек поставлен перед выбором: привести в мир присутствие Всевышнего, привести ли в мир Избавление? Это вопрос для каждого человека отдельно.

Весьма универсально можно прочитать образ царского сына. Обратимся к словам А. Грина: «Царский сын в действительности — это душа каждого человека, объект устремлений *Шехины*. Отделенная от человека фактом его телесности, она скитается в космосе в поисках суженого. Ангелы предлагают ей "красоту" и "богатство"; демоны угрожают убить — но она ищет только человека» [4, с. 436]. В рассказе рабби Нахмана «Царь и его сыновья» истинного сына царя выгоняет подмененный, на самом деле являющийся сыном служанки, который, придя к власти, погряз во всем материальном и для которого присутствие Божественной души становится все более невозможным. Таким образом, получается, что истинный царь, то есть Божественная душа в человеке, находится в изгнании. «Очень был он огорчен, что его, ни в чем не провинившегося, заставили покинуть отчий дом, и размышлял: "За какой проступок меня наказали изгнанием? Если я и вправду царский сын, то за что же прогонять меня? А если я не сын царя, то почему из-за этого должен бежать из страны, ни в чем не будучи виноватым? В чем мой грех, в чем мое преступление?!"» [5, с. 75].

В рассказах также встречается образ царской дочери, отношения которой с царским сыном представляются главным образом как взаимоотношения Шехины с Мессией (Машиахом). Однако стоит помнить, что образы и связанные с ними символы имеют много прочтений. Царская дочь, как правило, наделена устойчивым значением: это Шехина, которая играет одну из центральных ролей в Каббале. Также одной из значимых тем, связанных с образом Шехины, является мотив ее скитаний в изгнании. Обратимся к самому тексту: «Это история про царя, у которого были шесть сыновей и одна дочь. Дорога была ему эта дочь, он очень любил ее

и часто играл с ней. Как-то раз были они вдвоем и рассердился он на нее. И вырвалось у отца: "Ах, чтоб нечистый тебя побрал!" Ушла вечером дочь в свою комнату, а утром не могли ее нигде найти. Повсюду искал ее отец и крепко опечалился из-за того, что она пропала» [5, с. 32]. Утрата Шехины является не только личной трагедией, но и трагедией для всего земного мира. Рассказ «О том, как пропала царская дочь» как раз и повествует о тяжких духовных усилиях народа Израиля по освобождению Шехины из изгнания. Сам народ Израиля предстает в образе первого министра: «Тогда первый министр царя, увидев, что тот в большом горе, попросил, чтобы дали ему слугу, коня и денег на расходы, и отправился искать царевну. Много времени провел он в поисках ее, покуда не нашел. Исходил он немало пустынь, полей и лесов, долго длились его поиски» [5, с. 32]. На самом деле сказка, написанная, на первый взгляд, в незамысловатой форме, насыщена глубоким трагизмом. Трагизм состоит в постоянной борьбе еврейского народа со злом, как внутриличным, так и мировым.

Также среди генеральных мотивов, связанных с Шехиной, значительную роль играют те, которые связаны с Песнью Песней, ее аллегорическим и мистическим прочтениями. Это такие мотивы, как скитания возлюбленных, их поиски друг другом, страдания в разлуке и встреча. Г. В. Синило поясняет: «Важно также подчеркнуть, что все это соотносится в историях рабби Нахмана не только с разлукой и единением Всевышнего и Шехины, Шехины и народа Израиля, но и с глубинным обретением душой человека единения с Шехиной, с Богом — состояния *двекут*, а тем самым — и с путем к постижению собственной души, обретению себя самого» [6, с. 486].

Рассказы рабби Нахмана настолько занимательны и при этом многослойны, что заставляют читателя вновь и вновь возвращаться к рассказу, дабы расшифровать смысл, и во многом это объясняется единством формы и содержания сказок. И именно такой духовный труд побуждает человека к бесконечному развитию.

Рассказы, созданные рабби Нахманом, служат эталоном и являются богатым наследием хасидизма. Литературный талант и искусное владение разговорной речью — все это оказало огромное влияние на еврейскую литературу на иврите, идише, а также и на другие литературы. Известные мыслители и писатели брались за переводы сказок рабби Нахмана. На многих творчество

рабби повлияло непосредственно: И. Л. Перец, П. Н. Каганович, Д. Игнатов, М. Бубер, Н. Закс.

В рассказах рабби Нахмана из Брацлава один из крупнейших философов XX в. Мартин Бубер (1878-1965) нашел глубокое чувство веры и подлинный Диалог, о котором писал во всех своих философских произведениях и который, по его мнению, не мог открыться в них в полной чистоте и очевидности. Бубера восхищали не только рассказы рабби Нахмана, но и его ситуации общения с учениками, Богом. Великий праведник поднимал извечные вопросы нравственности и духовности и придавал им незамысловатую форму сказки. Решение этих проблем происходит в диалоге. Диалог возникает, как только рабби начинает произносить предисловие к своей сказке. Стоить напомнить идею М. Бубера о том, что диалог не обязательно должен осуществляться посредством языка, он может происходить посредством мимики, жестов, невидимых глазу ответных слов души человека, выходящих за пределы каких-либо знаковых систем. Итак, с началом сказки возникает диалог в том подлинном смысле, который объясняет в своих работах М. Бубер. Ученики внимательно слушают, интерпретируют образы, вступают в диалог и проделывают большую духовную работу. Рабби, который неоднократно переживал ситуацию общения с Вечным Ты, делился со своими учениками мудростью, а те в свою очередь с помощью диалога с учителем постигали нечто мистическое и таинственное. Мистицизм в духе хасидизма - это область на самой границе веры, область, в которой душа переводит дыхание, прежде чем снова обратиться к слову. Бубер полагал, что хасидизм является единственной разновидностью мистицизма, в которой освящается время.

Таким образом, можно заключить, что «Рассказы о необычайном» рабби Нахмана, поставленные М. Бубером в центр хасидской философской мысли, способны передать совершенные, живые отношения «Я - Ты», «Я - Вечное Ты», а буберовские диалогические принципы были предварены в учении великого праведника рабби Нахмана из Брацлава.

Литература

1. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод. - М.: Моск. Патриархия, 1988. - 1371 с.

2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. - М.: Высшая школа, 1993. - 175 с.
3. Грин, А. А. Страдающий наставник: Жизнь и учение рабби Нахмана из Брацлава / А. А. Грин. - М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2007. - 488 с.
4. Нахман из Брацлава, рабби. Рассказы о необычайном / рабби Нахман из Брацлава; сост., предисл. и коммент. рабби А. Штейнзальца. - М.; Иерусалим: Ин-т изуч. иудаизма в СНГ, 2000. - 448 с.
5. Синило, Г. В. Песнь Песней в контексте мировой культуры в 2 кн. Поэтика Песни Песней и её религиозные интерпретации / Г. В. Синило. - Минск: Экономпресс, 2012. Кн. 1. - 680 с.
6. Штейнзальц, А. Предисловие; Комментарии / А. Штейнзальц // Рассказы о необычайном / рабби Нахман из Брацлава; сост., предисл. и коммент. рабби А. Штейнзальца. - М.; Иерусалим: Ин-т изуч. иудаизма в СНГ, 2000. - С. 7-31; 40-47; 71-101; 129-138; 158-176; 217-247; 279-305.

ДИАЛОГ БЕЛОРУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ИЗ ПОЭЗИИ Ф. ШИЛЛЕРА)

Е. А. Шмык

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

В статье исследуются переводы поэзии Ф. Шиллера на белорусский язык как один из аспектов диалога белорусской и немецкой культур. Особенности переводов позволяют маркировать специфику ментальности представителей обеих культур. Белорусские переводы передают настроения, интонации и ритмику оригиналов. В то же время переводчики нередко используют образы и мотивы, близкие белорусской культуре, чтобы сделать произведения Шиллера еще более понятными белорусам.

Ключевые слова: Ф. Шиллер, Ю. Гаврук, О. Лойко, баллада, ритм, образ, дольник.

DIALOGUE BETWEEN BELARUSIAN AND GERMAN CULTURES (ON THE EXAMPLE OF TRANSLATIONS FROM THE POETRY OF F. SCHILLER)

E. A. Shmyk

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,